

Короли ацетона. Часть вторая. ДУБЛИКАТЫ

ГЛАВА I

Всё располагается по краям воронки. Ты ступаешь по краю, зная, что он – бритвенное лезвие, но не чувствуя боли (достиг полного расстройствa всех чувств), не видя своей крови (боль ревности, теперь позабытая, – изорвала глаза, и без того расслоённые). От предшественников тебе достался рудимент – внутреннее зрение. Благодаря которому видишь цепочку людей, движущихся впереди в непроницаемом для света тумане. Ты знаешь: они – не ты. Но и ты – тоже не ты, так как состояние тела уже не имеет отношения к возможности удержания души внутри. Структура любого пространства хранит в себе такую воронку. Где бы ты ни был – это воронка. Следовательно, тебя там нет.

Луис Альфредо Гаравито Кубильос, прославившийся под именем La Bestia, Зверь, признан виновным в изнасиловании и убийстве ста тридцати восьми мальчиков. Сто тридцать восемь мальчиков убил, изнасиловал, La Bestia. О чём говорили газеты в 1999 году. Места захоронения жертв Бестия отразил на картах, согласно которым число убитых достигало четырёхсот. Однако, дело в ином. Дети гуляли, пока La Bestia поджидал. Были дни: сколь угодно солнечные, либо ветреные. Ветер гнёт траву. Кактус стучит о кактус. А их всех (ты отчётливо видишь их сейчас благодаря кардинальному расстройству зрительной способности) уже поджидает маньяк. Поскольку теперь ты не знаешь, чем именно заполнено «я», – не можешь обещать себе, что один из детей не является тобой. Или шум ветра, скрывший перемещения маньяка, – не шум твоего сердца? Не можешь занять ни одну из сторон. Не можешь и покинуть. Ты, столь отчаянно прятанный себя от себя, теперь понял, что больше нечего скрывать, и та коробочка, которая была внутри всех коробочек, оказалась пуста, – как и самая первая, в которой были все остальные. И тогда – благодаря памятной способности внутреннего зрения, доставшейся тебе от предшественников, – ты видишь наконец *себя*. Укрывавшийся до заветного часа от всех подозрительных глаз в потайной кактусовой роще, ты вышел на свет. Сжав в руке крепкий нож, приближаешься к жертве – и видишь: жертва – *ты*. Но видишь это – со стороны. Не можешь вмешаться в происходящее. Да и не хочешь.

В нелепом пароксизме, в расстройстве желаний и чувств – всматривается в вещи, пока поглощаемое сияние не ответит гнойным звуком, – и тогда отзовется, пробуждаясь, одно внутреннее чувство. Чувство времени, сжатого в крепком кулаке, как монетка с остро заточенным краем. Разбросаны книги. Нельзя сказать *ни слова* о том, что слишком рано взошло солнце, и не заметил, как прошёл день, два, три, а сна всё не было, только предметы и листья, мёртвые животные, пустые улицы мая говорят об этом времени: осенью под тёмными сводами арок, под пролётами мостов, над каналами, в окнах, среди рушащихся стёкол – поминутно молчат часы, выжидая, что взойдёт солнце, и птицы, озаряемые на ветках, уничтожат тишину. Малейшее движение под жарким небом, на пыльной стороне домов, в оставленном школьном зале, в медицинской стеклянной комнате. Прочь из опустевших дачных мест, с площадей или улиц, покинуть набережные, парковые аллеи, лесные тропы, гулкие коридоры, торжественные залы, углы комнат,

тошнотворные пляжи, судорожные стадионы, кафе с добрым этническим уклоном, зловонные аптеки, бесцветные церкви, туманные острова, версальские террасы, калифорнийские хайвэй, отчаянные громады свалок, стеклянные дороги, опрокинутые озёра, пыль гор. Он – ты: тело овеяно плетью, ум – тоской, глаза изорваны смертельной обидой. Замерший часовой механизм – наступление окончательного времени.

Но были и другие дни, которые я обещаю запомнить, как запомнил взаимоотношения песка и снега весной: памятные и пьяные, сияющие и никакие, финские и петербургские, солёные или ветреные, дни – бухгалтерские бумажки, бифокальные очки в седоватой садовой траве, обескровленный ветер, разгоняющий пламя библиотек, обративших свой пепел в цветы деревьев. Дни, когда признался, что ненавидит восемнадцатый век; его подслеповатый (очки в траве) взгляд, оставив на рукаве светлую полоску звенящей пудры, равнодушно коснулся моей руки, – и я вспомнил, что свет смертен. Вспомнил 25 мая '08, вспомнил, как пусто, неверно, тепло и темно бывает в чужой квартире, где есть только шаровидная кошка и пыльная кровать, вспомнил другое новое животное – прогуливающегося в кухне огромного чёрного таракана. Которому закон не писан.

ГЛАВА II

Ожидал ответа, смотрел в воздух над рекой, он темнел, вернее, он оставался прежним, но уменьшалось количество света, точнее, количество света оставалось прежним, но в глазах темнело, оттого что ожидал ответа, а ответа не было. Чтобы все предметы, нанизаны на одну тонкую нитку, выстроились в линию настолько точную, что нельзя сказать – вертикальная она или горизонтальная, прямая или ломанная и так далее. Нельзя сказать, было ли всё это именно *со мной*; но, хотя данный вопрос является чуть ли не главным, ответ на него так же напоминает «да» или «нет», как озеро напоминает электричку. Местность? Вдоль заборов – бездомные твари, гаражи того же цвета, что заборы, цвета упрямо перемешиваются в тугую кашу, судя по взорам животных, я задолжал кому-то немало валюты. Здесь наступает день, если опускается темнота, и, например, дождь не имеет отношения к осени, всё расположено в тени предметов, хотя хорошо известно, что нет никакой тени, потому что нет предметов, но в то же время, все предметы пребывают в тени, и усомниться в этом разрешено только законченному крестину. Цвет тени – от серого до чёрного; цвет неба (не вообще, а в этих местах) – от серого до чёрного. Но бывают и другие цвета. Жанр фильма определить сложно. Скорей всего, лента с т. наз. «плавающей» жанровой принадлежностью. Завязка фильма: X. встречает Z. X. – кольчатый червь длиной примерно 5 сантиметров, выползший в тень после сильного дождя. Z. – кольчатый червь длиной примерно 7 сантиметров, выползший в тень после сильного дождя. Половая принадлежность героев значения не имеет, т. к. черви – гермафродиты. Время действия («после дождя») условно, т.к. дождь не прекращается. Из-за не прекращающегося дождя следить за действиями главных героев фильма практически невозможно. Проще сличать по фото. Судя по фото, уровень воды в реке остаётся прежним.

В таких случаях говорят: *«Мы вам обязательно перезвоним!»*. После

возвращаешься домой, смотришь одну или две серии телепрограммы «Криминальная Россия», ложишься спать с беспокойным сердцем. И тогда ясно видишь брезжашую завесу, отделившую твоё представление о личном счастье – от прибившей к земле действительности, от *«мы вам перезвоним»*. Видишь светлое офисное помещение, и где, если не там, лощёный работодатель, заглядывая в глаза, спросит такое, что теперь, охваченный ожиданием, не решишься дать ответ даже самому себе. Беспробудно бодрствующий, всё, что ты видишь, схватывает тебя, как дождь реку, просыпающегося и засыпающего в обе стороны, чтобы всё, что было – приснилось, а всё, что приснилось – было. Всё-таки нет, всё-таки – было, ложишься спать, закрываешь глаза, снова закрываешь, Иматра, погода улучшается, хотя дождь ещё не начинался, его зовут Томас, он приезжает почти каждое утро на велосипеде, привозит кефир, кое-что съестное, его интересует только один вопрос: насколько продвинулась работа над романом? Должен сказать, – ответил я, – что работа над романом идёт полным, так сказать, ходом. Тут я описываю очередной сюжетный поворот, к примеру, такой: мой герой, оставив своего любовника в небольшом лесном доме, выбирается в огромный столичный город, чтобы вглядываться в названия сумеречных улиц, написанные на незнакомом языке, – и так он бродит очень часто, пока однажды в кафе не сталкивается с девушкой, в которую, ну что бы ты думал, конечно же, ещё бы, влюбляется, – ну хорошо, неплохо, замечательно, чудесно, многообещающе, в общем, вполне удовлетворительно, хотя, признаться, я ждал от тебя большего, – вполне удовлетворённый, Томас удаляется, *«мы вам обязательно перезвоним»*.

Далее, «укажите Ваше последнее место работы и причину увольнения, назовите Ваш самый главный недостаток, на какой уровень дохода Вы рассчитываете?» Сейчас или никогда должен вспомнить, что всё это значит. Закрывать глаза, чтобы не видеть работодателя, претендентов на вакантное место, постараться сосредоточиться, собраться в кулак, чтобы ответить на вопросы, собеседование – это очень важно, работа – это главное в жизни... Закрываешь глаза – и нечаянно засыпаешь. На полках – вся сага о Г. Поттере, огишный Транстрёмер, «Школа для дураков», всё читается с равным упоением, что свидетельствует не в пользу нобелиата, не говоря о сумеречном русском гении. Гвоздик, вбитый в стену над изголовьем кровати, чтобы на нём висела верёвочка с алюминиевым нательным крестиком, «ты же понимаешь, что он *мешает*», – объяснил V.

Тридцать восемь тысяч вопросов, остающихся без ответа. Жирный – как в «Хрусталёв, машину!» – воздух. Синие тени вечернего леса. Пальцы в перчатках стеклянной пыли. Снег идёт и всё никак не закончится. Если бы потеплело – это был бы дождь, но теперь – только холодает, снег идёт и идёт, а ответа всё нет. И когда наступит весна, когда снег сойдёт – под ним ничего не будет. Только земля, пивная жёсть, трубчатые волокна, кольчатые черви, непоправимый ночной день.

ГЛАВА III

.....